

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

П 28
362

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

П 28
362

№ 14

1957

*СЕРИЯ
ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ*

Выпуск 3

Редакционная коллегия серии:

В. В. Мавродин (отв. редактор серии),
М. П. Алексеев (зам. отв. редактора), А. Ф. Бережной,
А. Н. Болдырев, Г. В. Ефимов, Б. М. Кочаков,
Б. А. Ларин, Н. И. Павлицкая (секретарь),
А. А. Холодович, П. Р. Шевердалкин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Жан-Ришар Блок о Ленинградском университете

Непримиримый борец против фашизма, реакции и войны, теоретик искусства и драматург, автор романов и поэт, переводчик и редактор, Жан-Ришар Блок пробовал свои силы в самых различных областях литературы, но наиболее значительное место в его творчестве занимает публицистика.

От критики буржуазной действительности и буржуазного искусства, через борьбу за Народный фронт, против фашизма в Испании и мюнхенскогоговора, к активной деятельности писателя-коммуниста в годы второй мировой войны — вот путь, который прошел Блок.

С момента вступления Франции в войну писатель выступает против реакционной политики французского правительства, ведет подпольную работу. В начале 1941 г. Блок разыскивает гестапо, он принимает приглашение Советского правительства и в апреле 1941 г. приезжает в Советский Союз.

Уже через несколько дней после начала Великой Отечественной войны в эфире зазвучал голос Блока, обращенный к французскому народу. «Жан-Ришар Блок, — писал Арагон, — в советском радио снова обрел трибуну, с которой можно обращаться к французскому народу. Хорошо известно теперь, какую огромную патриотическую работу он провел. Особенно хорошо это знаем мы, ловившие в течение этих лет его голос, который вселял в нас надежды, который прорывался через стены, принося нам веру в победу, ценные советы в нашей подпольной борьбе».¹

Передачи шли под именем Блока, и это доставляло ему радостное ощущение личного участия в борьбе и одновременно острую боль, так как во Франции оставалась семья писателя. Фашисты казнили его мать, старшую дочь, зятя и племянника.

Но тот факт, что в эфире звучал голос и имя Блока, известного публициста, редактора большой коммунистической га-

зеты, имел огромное значение для французов. Регулярно 2 раза в неделю советское радио передавало на французском языке: «Слушайте комментарий Жан-Ришара Блока», и многие честные французы жадно ловили слова, звавшие к борьбе.

«Шел снег, погода стояла отвратительная. В глубине фермы потрескивал маленький приемник — ток был очень слабый. И вдруг, на коротких волнах, — этот голос, этот знакомый голос, который говорит из такого далека... из Москвы. Жан-Ришар! Он говорил для всех и он говорил так, как никто не говорил. И ведь это была Франция, которая возвращалась к нам из далека».¹ — так вспоминал Арагон.

Более ста лучших радиопередач Блока было в 1949 г. посмертно издано в Париже книгой «De la France trahie à la France en armes» («От Франции преданной к Франции вооруженной»). Эта книга была удостоена в 1950 г. золотой медали мира.

Основная тема передач Блока — это Франция, преданная, но не покоренная, ее судьба, ее борьба, ее страдания. Все выступления писателя преследовали одну цель: помочь борьбе французов за освобождение, вселить в них надежду и веру в свои силы, поднять их на борьбу.

В передачах Блока нашел свое отражение весь путь сопротивления и борьбы народа, от единичных разрозненных выступлений до вооруженного народного восстания, охватившего всю страну.

В передачах последнего периода, наряду с темой справедливого возмездия предателям, все громче звучит призыв к бдительности народа, чтобы больше никогда не смогла повториться позорная катастрофа 1940 г.

Большое место в радиопередачах Блока отведено борьбе советского народа против фашизма. Судьба Франции тесно связана с судьбой Советского Союза, Блок говорит о событиях на советско-германском

фронте, о героическом тыле, о партизанской войне, советской культуре. Блок бывал в годы войны во многих городах, на заводах, в университетах, в воинских частях. О своих впечатлениях он рассказывал в передачах для Франции. В августе 1944 г. Жан-Ришар Блок приехал в Ленинград и посетил Ленинградский государственный университет. Стойкость, мужество и трудовые подвиги коллектива Ленинградского университета произвели на писателя огромное впечатление, которое отразилось в двух передачах, посвященных Ленинградскому университету и обращенных к интеллигенции Франции. Эти передачи, публикуемые ниже, хранящиеся в архиве Всесоюзного радиокомитета, не вошли в книгу и печатаются впервые.

* *

8/VIII 1944 г.

Люди умственного труда, преподаватели, профессора, лаборанты, студенты наших французских университетов, сегодня я обращаюсь к вам.

Вы находитесь в огне борьбы. Сейчас для Франции наступают решающие минуты. Вы сделали для родины уже очень много, и вы делаете еще больше. Ваш героизм, ваши жертвы привлекают к вам сердца всего мира. Несмотря на это, именно поэтому, вы не считаете несвоевременным рассказ о героизме, проявленном другими учителями, другими студентами, которые являются вашими друзьями и которые забросали меня вопросами о вас и о вашей судьбе.

Я возвращаюсь из Ленинграда. Ленинградский университет устроил французскому писателю незабываемый прием. Всем сердцем я чувствовал, что этот прием, это удивительное внимание относились ко всем вам, к интеллигенции Франции, и я взял на себя труд передать вам горячую симпатию к нашей стране, которую мне так щедро выразили.

Помимо этого я хочу рассказать вам о делах ваших ленинградских друзей. В течение ужасной осады и 30-месячной бомбардировки университету пришлось перенести много страданий. Бдительность и мужество помогли избежать самого худшего.

Представьте себе, что лишь за одну ночь на здание упало 18 зажигательных бомб. Они были немедленно погашены командами студентов и преподавателей, дежурящих на крыше. Более 20 снарядов упало на территорию университета. Подряд три военных зимы вносили свои разрушения. Нет отопления. Нет воды. Нет электричества. Центральное отопление замерзло, трубы лопнули. Дожди, холода разрушили штукатурку и облицовку. Сырость поставила под угрозу коллекции, библиотеку. Все нужно делать заново! И вот те не-

многие специалисты, которых не коснулась мобилизация, взялись за работу. Каждое большое учреждение Ленинграда должно сделать реставрацию своими собственными силами. Как взялся за это Университет? Слушайте! Как только победы последнего января окончательно отбросили врага на большое расстояние от города, Университет послал группы своих студентов, лаборантов, преподавателей обучаться на специальные курсы. Они в течение трех месяцев проходили обучение у водопроводчиков, другие у кровельщиков, маляров, каменщиков, плотников, столяров.

Все должно быть готово к 1 сентября, дню возобновления занятий. Я прошел по Университету в сопровождении ректора и преподавателей. Я видел на крышах работающие бригады. Кто этот веселый майя в белой блузе, который, скрючившись на лестнице, белит мелом свод большого центрального коридора? Это профессор греческой эпиграфии. Профессор аналитической геометрии и его ученики стругают планки паркета, попорченного сыростью.

Бригада молодых свежих садовников переворачивает пласты земли широкого сквера, просеивает ее, выдергивая остатки снарядов и штукатурки, восстанавливает газоны под руководством пожилой дамы с седыми волосами. Эта дама — профессор ботаники, садовницы — ее ученицы. В подвале импровизированные печники, будущие физики и математики восстанавливают отопление.

Библиотека насчитывает три с половиной миллиона томов. Повреждения коснулись многих полок. И здесь бригады за работой, стирая пыль, очищая, классифицируя знаменитые инкунабулы, неоценимые коллекции. Короче, когда через три недели возобновятся занятия, преподаватели, студенты смогут с гордостью сказать себе, что они своими руками спасли, реставрировали, возвратили к жизни благородное историческое здание, детище Петра Великого.

Приведу, чтобы закончить, еще одну деталь. Для поддержания коллекции зоологического кабинета требовался очень сухой воздух. Не было никаких средств отопления. Что же сделали две лаборантки, которым я имел честь пожать руки? Чтобы бороться с сыростью, они, колеблясь, поддерживали в помещении постоянные сквозняки. Термометр внутри кабинета показывал 18 градусов ниже нуля. И две лаборантки никогда не покидали кабинета, но они спасли коллекции.

* *

15/VIII 1944 г.

От Ла-Манша до Средиземного моря, от Лауры до Роны Франция охвачена битвой. Люди умственного труда, вы вносите

¹ L. Aragon. Adieu à J. R. Bloch. Europe, 1947, Mai, p. 5.

¹ L. Aragon. J. R. Bloch où le coeur brisé, Ce Soir, 19 mars, 1948.

вашу лепту в борьбу. Учителя преподаватели, студенты, лаборанты, работники университетов, лицеев, колледжей, школ, люди лабораторий, я вижу вас. В ваших руках пулемет и граната заменили тетрадь и микроскоп. Перо бежит по бумаге, оно чертит пламенные призывы, которые распространяют героические женщины и дети. Некоторые из вас создали подпольные радиоточки. Врачи, фармацевты помогают раненым. Ветеринары сопровождают маленькие боевые отряды, везде, где лошадь, осел или мул заменили мотор. Все это делается с опасностью для жизни. Интеллигенция борется.

Я надеюсь, что продолжение передачи о Ленинградском университете окажется к месту. Я уже писал вам, как профессора, студенты своими руками восстанавливают величественное здание знаменитого Университета, его залы, его лаборатории, его библиотеку из трех с половиной миллионов томов. Перед профессорами и студентами наших Университетов, наших высших учебных заведений стоят те же проблемы.

Поговорим сегодня о том, как работники и студенты Университета защищали город.

Я нахожусь среди профессоров Университета. Ректор обращает мое внимание на сидящего мужчину, еще бодрого, с высоким лбом и живыми глазами. «Я представляю Вам профессора астрономии товарища Огородникова. Он находился в нашей обсерватории в Пулковом, в пятнадцати километрах отсюда, когда передовая линия немцев стала угрожать знаменитым куполам.

Что сделал наш коллега? Он взял ружье и, смешавшись с красными пехотинцами, которые защищали знаменитую высоту, в течение нескольких недель воевал вместе с ними».

Недалеко от меня сидел полный человек, который на блестящем французском языке страстно расспрашивал меня о Ланжевене, Коттон, Ирен и Жолио Кюри и других французских ученых. Ректор мне сказал: «Напротив Вас сидит профессор Жуков, заведующий кафедрой физики. Он усовершенствовал противотанковые зажигательные бутылки нового типа. Он внес ценные усовершенствования в противовоздушную оборону. А вот профессор Эйхбаум, наш биолог, который изучил и

создал специальные рационы, которые во время осады спасли много человеческих жизней». И ректор Вознесенский продолжает: «Поговорим о наших студентах. Три тысячи из них были мобилизованы. В критические дни немецкого наступления целый батальон вышел из ворот Университета, чтобы направиться сражаться в Гатчино, так же, как Кировский завод вооружил целую дивизию рабочих, чтобы защищать окраины того района Ленинграда, который носит имя Нарвы.

В течение осени и зимы 1941—1942 гг. наши студенты приходили пешком с фронта, чтобы защитить диплом или сдать экзамен. Университет оставался в городе в течение всего критического и страшного периода блокады. Во время этих ужасных месяцев личный состав Университета понес 50 жертв страданий, лишений и голода».

Только в марте 1942 г. Университет смог эвакуироваться. На месте оставили небольшую группу преподавателей, студентов, лаборантов — то, что здесь называют «коллектив», которому поручили наблюдать, поддерживать и защищать здания и коллекции. Все остальное было отправлено на Волгу, в Саратов. Когда Университет туда прибыл, мальчишки молча следовали по улицам за скелетообразными мужчинами и женщинами, превратившимися в подобие теней. Всякий изможденный человек, откуда бы он ни приехал, стал с тех пор называться «ленинградцем» и был окружен уважением.

Какой-то профессор, улыбаясь, преврал здесь ректора и сказал ему: «Расскажите же товарищу Жан-Ришару Блоку, как мы жили в Саратове. Целая гостиница была отдана нам для жилья, гостиница „Россия“. Мы там прожили два года в таком согласии и плодотворном, теплом содружестве, что наше самое большое желание было основать в Ленинграде еще одну гостиницу „Россия“».

Преподаватели Марселя, Леона, Гренобля, Бордо, Пуатье, завтра перед вами встанут те же задачи, те же заботы войны, что и перед вашими ленинградскими коллегами.

Кто усомнится, что вы их разрешите с тем же героизмом, тем же стремлением к свободе, с той же пламенной любовью к родине?

Summary

The above notice contains the text of two radio messages broadcasted during the World War II by Jean Richard Block — a prominent French publicist and man of letters. In 1941 the writer, pursued by the Gestapo, fled to the Soviet Union and later on, during the Great Patriotic War, delivered radiomessages to France.

In 1949 more than 100 of these messages were posthumously published at Paris in a book under the title „From France Betrayed to France Armed“ of. This book was awarded the Golden Medal for Peace in 1950.

The heroic struggle of the Soviet people against fascism was largely reflected in Block's radio-messages. The writer gave accounts of his visits to numerous Soviet

towns, factories, military units, educational establishments, telling the French people his impressions.

In August 1944 Block came to Leningrad and visited the Leningrad University. He was deeply impressed by what he had seen there and gave an account of his impres-

sions in two of his radio-messages, published in the present notice.

The text of these radio-messages was not included in the book edited in Paris. It was found in the archives of the All-Union Radio Committee and is now published for the first time.

Л. И. Вольперт

Неизвестная эпиграмма А. С. Грибоедова

Двадцатые годы XIX в. прошли под знаком острой литературной борьбы. В этой борьбе «Вестник Европы» во главе со своим редактором Каченовским нередко нападал на Пушкина и других передовых писателей того времени. Хорошо известны эпиграммы Пушкина на Каченовского («Хаврониос! ругатель закоснелый...», «Клеветник без дарованья...», «Охотник до журнальной драки...»). Против «Вестника Европы», помимо Пушкина, выступали и другие известные писатели, в частности А. С. Грибоедов и П. А. Вяземский.

К середине 20-х годов XIX в. относится сближение Грибоедова с Вяземским. Они не только пишут вдвоем водевиль «Кто брат, кто сестра», но и совместно выступают против литературных староверов, которые яростно нападали на «Горе от ума». На страницах журнала «Вестник Европы» М. Дмитриев и А. Писарев подвергли резкой критике бессмертную комедию Грибоедова. Помимо статей, направленных против «Горе от ума», М. Дмитриев и А. Писарев обрушились градом эпиграмм на Грибоедова и на Вяземского.

Грибоедов и Вяземский платили око за око, эпиграммой за эпиграмму. Однако до сего времени была известна только одна эпиграмма Грибоедова в записи Ксенофонта Полевого. Близость Вяземского к Грибоедову во время полемики вокруг «Горе от ума» давала возможность предполагать, что поиски эпиграмм Грибоедова следует вести в бумагах Вяземского. И, в самом деле, среди многочисленных автографов Вяземского, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, имеется небольшой листок, на котором почерком молодого Вяземского написаны эпиграммы Грибоедова:

«Эпиграмы Грибоедова

Как распложатся журнальные
побранки!

Гласит предание, что Фауст ворожил
Над банкой полною волшебных,
чудных сил

И вылез чорт из банки;
И будто Фаусту вложил
Он первый умысел развратный
Создать станок книгопечатный.

С тех пор, о мокрые тряпичные
листы,
Вы полем сделали журналам для
их браней,
Их мыслей нищеты, их скудости
познаний!
Уж наложил на вас школярные
персты
Михайло Дмитриев с друзьями,
Переплетясь они хвостами,
То в прозе жилились над Вами,
То <.....> их водяными
стихами.

Надпись к портретам сочинителя Михайло Дмитриева и переводчика Писарева.

И сочиняют врут! и переводят врут!
За чем-же врете вы, о дети! — Детям
прут!

Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть! — Но вы ругаться
удальцы,
Студенческая кровь! Казенные
бойцы!!

Холопы Вестника Европы!!!!»

(Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. № 195, оп. 1, ед. хр. 1212, л. 1).

Таким образом, перед нами три эпиграммы Грибоедова, из которых вторая и третья совпадают с текстом, известным по записи Кс. Полевого: однако то, что Кс. Полевой считал за одну эпиграмму, представляет собою две самостоятельные эпиграммы.

Первая эпиграмма, до сих пор неизвестная, интересна по своему замыслу и тесно связана по своей сатирической направленности с «Горе от ума». Ироническое высказывание Грибоедова, что создание книгопечатного станка — «умысел развратный», совпадает по мысли с репликой Фамусова:

«Сергей Сергеич, нет! уж коли зло
пресесть:
Забрать все книги бы да сжечь».

Текст этой эпиграммы Грибоедова в неполном виде сохранился и в бумагах С. Д. Полторацкого, хранящихся в руко-